

Ошеломляющая новость ничуть не отразилась на лице Накахары Яёи. Он всё так же бесстрастно разглядывал Китакодзи Синсукэ, пристально изучая каждую черту его лица.

Сомнений не оставалось: перед ним стоял его прежний мучитель.

Яёи помнил те дни слишком хорошо. Обычно исследователь избивал его сам, но изредка, когда у него выдавалось хорошее настроение, он находил иные, изощренные способы причинять боль.

Ему хватало простого щелчка пальцами, чтобы в полумраке подвала поднимался яростный вихрь. В следующую секунду невидимая прозрачная тварь со всей силы швыряла маленького Яёи на стену, и от страшного удара к горлу подступал металлический привкус крови.

В один из таких дней невидимый монстр приложил его так крепко, что мальчик покатился вниз по узким ступеням, раздробив коленную чашечку на правой ноге.

Тяжелая травма оставила след на всю жизнь: и по сей день в сырую, дождливую погоду колено отзывалось тупой, изнуряющей болью.

В ту пору измученный ребенок думал лишь о том, как уклониться от очередного удара, и даже не догадывался, что за нечисть его терзает.

Теперь картина прояснилась. Тот невидимый монстр, скорее всего, был обыкновенным низшим проклятым духом четвертого ранга, которого подчинил Китакодзи. И пусть такая слабая нечисть не могла нанести смертельных увечий, для издевательств над беззащитным ребенком, лишенным магического дара, ее сил хватало с лихвой.

Яёи молча следил за реакцией Китакодзи.

Тот тоже смотрел на юношу. Однако в его глазах не было и тени узнавания — лишь холодное, безучастное любопытство, с которым смотрят на незнакомцев.

Яёи опустил взгляд.

Разумеется, тот ничего не помнил.

Накахара провел под его крышей шесть лет, но Китакодзи видел в нем лишь ценный товар, который нужно было подрастить лет до шести-семи, а затем выгодно сбыть с молотка на подпольном аукционе.

Ребенок казался Китакодзи досадной помехой, и потому его заперли в полуподвальном чулане под кухней. Они почти не виделись, а если и сталкивались, то никогда не разговаривали.

Мучитель никогда не раскрывал своего имени, не говорил о работе и семье. Яёи не знал о нем ничего, кроме этого ненавистного лица; даже его голос стерся из памяти.

Образ самого Яёи в памяти Китакодзи стерся, вероятно, еще быстрее.

За прошедшие десять лет облик Накахары сильно переменялся.

В раннем детстве он рос замкнутым и заторможенным, точно деревянная кукла. Черты его лица тогда еще не успели оформиться: на худом, истощенном личике выделялись лишь огромные, лихорадочно блестящие глаза. Сирасэ Фуитиро даже прозвал его тогда Глазастым.

Китакодзи не желал возиться с отросшей шевелюрой и велел приходящей няньке раз в месяц стричь ребенка почти налысо.

У детей пигмент светлее, и в те годы волосы Яёи отливали блеклым рыжевато-морковным оттенком. Лишь к восьми годам они налились густым, яростным, похожим на пламя багрянцем.

При таких обстоятельствах неудивительно, что Китакодзи не признал в стоявшем перед ним юноше забитого сироту, которого годами истязал в подвале.

Яёи вспомнил свой разговор с Ито Тэрухико. Разрозненные зацепки, блуждавшие на периферии памяти, наконец-то сложились в единую картину.

В то время Кэндзяку занимал пост главы Главного совета магов. Заручившись его поддержкой, Китакодзи без труда сменил имя и скрылся от любых проверок ведомства.

Пристроив Китакодзи в Главный совет, Кэндзяку преследовал лишь одну цель — укрепить собственные позиции внутри ведомства, чтобы в нужный момент разыграть эту карту.

Теперь становилось понятно, почему Китакодзи столь резко переметнулся на другую сторону и так отчаянно жаждал смерти своего благодетеля.

Владыка Тенген безвыездно пребывала в глубинах Звездного дворца. О том, что ее эволюция сорвалась, знали единицы — Яга Масамичи да непосредственные свидетели тех событий: сам Яёи, Годжо Сатору и Гето Сугуру.

Кэндзяку же вместе с Китакодзи полагали, что слияние завершилось успешно. План заговорщиков обрел четкие очертания, и Кэндзяку оставалось лишь методично следовать по намеченному пути.

Занимая теперь один из высочайших постов в Главном совете магов, Китакодзи больше всего боялся, что Кэндзяку попросту избавится от него как от ненужного свидетеля, едва

задуманное свершится.

Чтобы обезопасить себя и гарантировать безоблачное будущее в кресле верховного чиновника, он решил нанести упреждающий удар и устранить кукловода.

Пока Яёи блуждал в лабиринтах воспоминаний, Китакодзи продолжал его изучать.

Он и представить не мог, какая буря бушевала под маской ледяного спокойствия на лице юноши и какие опасные мысли роились в его голове.

Раньше, когда лицо Накахары скрывала повязка, черты его казались размытыми, будто сквозь пелену тумана. Теперь же, без лишней преграды, перед ним предстал красивый юноша с огненно-рыжими волосами и пронзительными изумрудными глазами, в чьем облике угадывалась грация дикого кота.

Поддавшись профессиональной деформации десятилетней давности, Китакодзи первым делом принялся мысленно оценивать его рыночную стоимость.

Юноша был потрясающе красив, статен, находился в самом расцвете сил, да вдобавок ко всему обладал рангом мага первого класса.

Если бы иокогамский аукцион «Ночь безумия игроков» не прикрыли в свое время, за такой лот коллекционеры выложили бы безумные деньги.

Сам Китакодзи, носивший при рождении имя Цубурая Синсукэ, происходил из старинного рода заклинателей. В возрасте двух лет его признали Звездным Сосудом.

Клан Цубурая был незначительной провинциальной ветвью, существовавшей лишь благодаря покровительству великого дома Камо. Узнав, что их отпрыск — Звездный Сосуд, семья сочла это величайшей милостью небес. Мальчика спешно отправили в частную школу клана Камо, сделав компаньоном старшего наследника.

Окруженный почетом и заботой, Синсукэ с ранних лет привык к роскоши, ни в чем не зная отказа.

Но в пятнадцать лет он случайно узнал, что происходит с Сосудом после слияния: разум носителя полностью стирается, оставляя лишь пустую оболочку для владыки Тенгена.

До той секунды Синсукэ гордился своим бременем, но осознание того, что через пятнадцать лет его жизнь оборвется, повергло его в дикий ужас.

Он твердо решил бежать из частной школы и поступить в обычную старшую школу. Умолив

тогдашнего главу клана Камо скрыть правду, он тайно подготовился к экзаменам, а спустя три года стал студентом престижного университета Кэйо.

Только получив заветный конверт о зачислении, он отправил семье письмо, в котором окончательно порвал с миром магов.

Это до глубины души возмутило его отца и деда. Родные немедленно заблокировали все его банковские карты и навсегда отrekliсь от него.

Окончив университет Кэйо, Синсукэ устроился лаборантом в Научно-исследовательский институт наук о жизни в Йокогаме.

Жалованье лаборанта было грошовым, а привычка к роскоши требовала постоянных трат. Синсукэ сорил деньгами направо и влево и очень быстро погряз в долгах.

Чтобы сводить концы с концами и расплачиваться по счетам, он решил применить свою проклятую технику для обогащения.

Выведав каналы выхода на подпольные аукционы, он стал использовать подвластных ему проклятых духов для похищения маленьких детей, продавая их на черном рынке.

Этот бизнес приносил баснословные деньги практически без вложений. Вплоть до того момента, как Кэндзяку устроил его в Главный совет, похищение детей оставалось для него главным источником дохода.

За эти годы через его руки прошло не менее пятисот детей, среди которых попадались и юные эсперы. На подпольном рынке за магов и эсперов платили сумасшедшие деньги; впрочем, обычные красивые дети от шести до шестнадцати лет тоже пользовались огромным спросом.

Яёи сочетал в себе магический дар и выдающуюся внешность — идеальный лот, за который можно было выручить целое состояние.

Особенно запоминались его миндалевидные, ярко-зеленые глаза, напоминавшие чистейшие изумруды.

И все же Китакодзи не покидало смутное ощущение дежавю. Черты лица этого парня казались смутно знакомыми, но он никак не мог вспомнить, где видел их раньше.

Яёи буравил собеседника тяжелым прищуром, пока в его груди клокотала глухая ярость.

Он больше не был беззащитным ребенком. Свернуть шею этому ничтожеству прямо сейчас не составило бы труда.

Поддайся он мимолетному порыву, он бы вцепился мерзавцу в глотку, вытряс всю правду о своем происхождении, а после вышиб бы ему мозги точным выстрелом.

Но разум подсказывал: спешить нельзя.

Кэндзяку оставался первостепенной мишенью. Чтобы одолеть тысячелетнего проклинателя, помощь Китакодзи была необходима как воздух. Личные счета придется временно отложить.

Он ждал этого момента десять лет, так что потерпит еще немного. Сперва нужно использовать предателя, чтобы добраться до Кэндзяку, а уж потом свести старые счета.

Вопреки обыкновению, когда в душе Яёи пробуждалась жажда убийства, его вечно холодная, каменная маска становилась мягче.

Он расслабил нахмуренные брови, решив вытянуть из Китакодзи все до последней капли.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе убить Кэндзяку, — ровным тоном произнес он. — Но у меня нет к нему доступа. Любая попытка сблизиться с главой клана Камо вызовет лишь подозрения.

Поняв, что Яёи готов сотрудничать, Китакодзи шумно выдохнул.

— Тебе и не придется искать с ним встречи, — понизив голос до заговорщицкого шепота, произнес мужчина. — Он сам придет к тебе. Кэндзяку намерен забрать тело Гето Сугуру.

На мгновение Накахара замер.

Зачем Кэндзяку тело Сугуру? Тот ведь обычный студент, не обладающий весом в обществе или какими-то особыми привилегиями, в отличие от верхушки Главного совета или главы великого клана.

Мысли Яёи лихорадочно цеплялись одна за другую.

Вчера во время разговора с Сатору и Сугуру последний упомянул, что в прошлом году подчинил проклятого духа особого ранга Тамамо-но-Маэ, за что и удостоился звания мага особого класса.

Его врожденная техника «Манипуляция проклятыми духами» уникальна: со времен эпохи Хэйан не рождалось ни одного мага, способного подчинить духа особого ранга.

Сугуру фактически стал сильнейшим заклинателем проклятий за последние десять веков.

В голове Яёи начал вырисовываться мотив.

«Захватывая чужое тело, Кэндзяку забирает себе и проклятую технику носителя. Должно быть, именно «Манипуляция проклятыми духами» Сугуру стала его заветной целью».

Китакодзи тоже был заклинателем духов, но из-за ничтожного запаса проклятой энергии мог подчинять лишь низшие сущности не выше третьего ранга. Для амбиций Кэндзяку его плоть не представляла ценности.

Яёи молча размышлял, по-прежнему сохраняя то леденящее душу бесстрашие, от которого неподготовленному человеку стало бы не по себе.

— На каком этапе сейчас план Кэндзяку? — спросил Яёи.

— Три года назад он отправил людей на поиски утерянного проклятого артефакта особого ранга — «Тюремной обители», — ответил Китакодзи. — В прошлом месяце они наконец его заполучили. Всё готово.

— «Тюремная обитель»? — Яёи нахмурился. — Что это?

— Сильнейший артефакт, способный запечатать что угодно, — пояснил Китакодзи. — Он преодолевает любую защиту. Неважно, насколько силен противник: если в его сознании пройдет хотя бы одна минута, пока он находится в зоне действия артефакта, цель будет запечатана навечно.

«Если Кэндзяку потратил целых три года на поиски «Тюремной обители», он явно рассчитывал нейтрализовать противника, которого не в силах одолеть в открытом бою».

«Кто же это? Тот, кто всегда готов прикрыть Сугуру, невероятно силен, неуязвим для покушений и владеет абсолютной защитой...»

В мыслях Яёи всплыло единственное имя: Годжо Сатору.

<http://bllate.org/book/19457/2004670>